

СТРАХ

*(пьеса с моно и стерео звучанием о том,
что точно есть в каждом)*

Действующие лица

АГЕНТ

ДЕД

ДЕВОЧКА

МАМА

СТУДЕНТ

ЭЛЕКТРИК

ПАПА

ПИСАКА

Страх происходит от неизвестности

Человек

Людям свойственно во время страха произносить что-то неопределенное

Человек-2

СЦЕНА 1

АГЕНТ, парень 20-25 лет, в костюме, поглаженным небрежно, застыл у двери.

АГЕНТ. Пачиму не открывают? Сколько ходил. Вокруг и рядом. Коврик чистый здесь. Кто-то плюнул. Кровь. «Убирайтесь...». Мне не страшно. Орган, отвечающий за страх умер. Сразу. Его убил, отрезал мой дядя. Батя держал, а дядя Мунир щелк. И рот прикрыл, я как вцеплюсь зубами. Смотрю, а у него кошачьи глаза. Когда убивают что-то, то глаза кошачьи. Фу, на... язык обжог. Блин-лепешка. Мусор-табак. Не надо курить. Не надо пить, не надо женщин. Все надо, только папка не хочет, чтобы я тут нашел дэвушку, мэстную, дал ей руку с сердцем и взял в ипотеку три комнаты, чтобы пять детей в одной, пять в другой. Он говорит, что в городе нет жизни, тут постоянно убивают, гремят взрывы и гречка повышается. Сколько у нас гречки. Идут. *(Встает, приглаживает волосы, папка*

падает, бумаги летят). А, блин-лепешка. Нэ сюда. Почиму так договариваешься, Говорят, приезжайте, будет хлеб-соль, а вместо теперь не смогу есть горячий, ни холодный. Вкус пропадает, когда язык. Такой маленький орган. Вот бы всем отрезать. Идут. *(Повторяет процедуру «я в порядке, моя жизнь удалась», на этот раз подхватывает папку с бумагами, улыбается).* Болики-лелики жрали анаболики. Рявка-тяфка-бяфка. Зубастый зубодрот зубами зуборскалил зубатку. Трамвай травил транжиру. Не-ет. Еще пять минут и ухожу. На обед. Хотя какой обед с таким языком. *(Хочет спуститься, но что-то его останавливает, возвращается).*

Паспорта нэт. Полики застали. На третий день. В кармане нашли бумажку с рекламой. А там краска она просыпалась. Что за порошок? Какой порошок, это же реклама. Он напоминает Блюхера. Какого нахер Блюхера? Отняли. Порвали на глазах. В нос засунули три страницы, чтобы не надо было доставать. За унижение весь род выжигают. Я понимаю. Но тут работа, звониль же, обещали. Менять не могу, не берут. Да и не могу тяжелое. У меня операция на спину. Спица в спине.

Проверка, кто ты, что ты есть, а это подделка, вымогают. Комендантский час круглосуточный. Хоть маску одевай и ходи. Маску зайца один нацепил и ходил. Хотел доказать что-то. Не похож на других. А что мне доказывать. Мне бы просто идти на работу, трамвай, метро, читать газету, магазин и музей третий выходной месяца. И чтобы соседи не смотрели, как на террориста. Они же... да я знаю, что они думают, раз борода, глаза, темная кожа... да я и бороду сбрил. Но кожу то не сбреешь.

Щиток искрит. Умный, блин. Как будто живой. Искрит, значит, недоволен что-то. Они знают, что он не доволен или нет. Может быть, он искрит, когда никого нет. Я же здесь никто. И в паспорте моем, даже если бы он был, в графе национальность черным «никто».

Лестничный пролет. У окна. На подоконнике старый высохший цветок, с торчащими из земли бычками.

ДЕД. Шастают. Пакет с мусором оставили. Стекло. Бычки. Трофей. Пальто с оторванными карманами. Пропитали отравой, чтобы выжить. Одед, а другой смеется. Не возьмешь. Я хоть и в 47 родился, не значит, что войны не знал. Война у меня в кишках во всю длину. Если надо, зубами стрелять буду. Они у меня крепче камня. Не люблю этих тихих с спортивным одеколоном. Бормочат с затычками в ушах, портят все. Для меня покурить не в сартир сходить. Я, может быть, отдыхаю. От дома. От стен, от пирогов,

гнилого пола. Смотрю в окно, а там стар пидо...я не могу. Слепну, хорошо? Но пока вижу, как срут.

Моей старухе повезло. Споткнулась. Три ступеньки и на утро поминки с пирогами и водкой за семьдесят девять. Ничего не боялась. Все к соседям. Хлоп по шее. Долг! Хлоп. Заливают! Хлоп. Юбилей троюродной тетушки. Хлоп, хлоп. Дохлопалась. Тяжелая у нее рука. По два пакета носила. Если бы я с вечера сходил, так она же сама. В доме есть четкое распределение обязанностей. Она в магазин, я рыбу жарю. Она цветы поливает, я кормлю Жмурика. Она умерла, а я....

В следующей жизни ты либо таракан, либо кран с кирпичами на одну квартиру. Жизнь подставляет капканы и как бы ты ни юлил, ни светил, ни катеринил. А монах у метро свистит вы готовы к смерти, участвовали в игре Пит-стоп. Лототрон. Цветы России. 10 роз за 199. Маленькие, как женский орган опоссума. Там у метро много. Иногда пролетаешь, шлешь, чтобы не липли, а вчера послушал. Либо ракушка, либо переваренная картошка. Все от жизни зависит. Но то, что мы не гнием в земле, это точно.

Вытащил ее, донес до дома, она мне показывает что-то. Я не пойму. Вот думаю, была бы она в порядке, я бы махнул рукой, а тут она еле дышит. Язык высунула, а он такой шершавый. И вспомнил, как кусал его. А она мне продолжает что-то говорить. А я все на язык. Разобрал. Горит, боюсь. Передо мной караси с порванными губами, как она чистит их, а она боюсь.

(Счетчик проявляет признаки жизни).

Не напугаешь. У меня война в кишках, могу зубами стрелять.

(Сильнее).

Пойду. Насмотрелся на эти возгласы. От них только нехорошие мысли. А мне этого не желательно.

Квартира, в которой живут мама, папа и девочка, лет под двадцать. Последняя стоит у окна.

ДЕВОЧКА. Мама... мама... папа. Пока. Мама садится, папа протирает стекло, мама сигналист. Скучняги. Сдаст назад больше чем надо, едва не задевает соседскую «Шевролюху». Вот тупики, сейчас бы попали на несколько штук. Вы что меня без кафешек оставить хотите?! Блин, приходится зависеть от папика и мамика. Так бы посидеть помечтать, куда бы, а потом открыть сейф, взять сколько нужно и тратить, пока

не закончатся, а потом повторить. И это нормально. Родичи должны обеспечить это. К сорокетнику то можно успеть. Пока-пока. Это он тебя пропустить должен. Нахрена кому нужна эта деликатность. Ну и что... а, конечно, давай пропускать всех. Сейчас час пик, народ поперет из метро, поджидай. Я так и слышу, что мамка тебя сверлит. Лобзиком по лобикю.

Угораздило меня родиться тут. Страшно, что ждет меня с такими родаками. Ни хорошего универа, ни нормального туротдыха. Так прозябать по жизни в дисконте. Комната, где кровать и тумба. Ну, мама. Нужно про духовность, Мама со мной согласна, но ей простительно, женщина. Есть другие мужики. Но она их в упор не видит. Все женщины боятся менять. Появился один. *(Берет трубку, звонит, но по всей видимости на той стороне никто не отвечает)*.

Как же меня затрахали...никаких розеток, никаких... все закрыто, в шкафу, однажды зарядить телефон не могла, ну нет. Пришлось холодильник отключать, там он еще не успел. Помешались на безопасности. Не ходи. Оголенные провода. Да их в нашем районе. Только проку от них никакого. Может, свечками пользоваться будем или блин, лучинами? *(Отворачивается от окна)*. Сейчас бы щелкнуть пальцами, и оказаться на острове, чтобы вокруг мороженое таяло. *(Звонок в дверь, осторожно подходит к двери, смотрит в глазок)*. Бля... кто это? Айзер. Не буду открывать всякому отродью. За хлебом пришел? Или за моей головой. Топчется, волнуется. Может, позвонить кому? *(Звонок повторяется. Вздрагивает)*. Ушел. Вот дебил. Сейчас все такие. Что ни парень, то дебил. *(Берет мобильник)*. Привет, тупица. Хочу сказать тебе, что ты самый тупой парень в этом доме. Ты меня не знаешь. И не думай. Вот дебил. Подожди. Слушай приходи, да никого. Всякие звонят. У меня кальян есть. И еще кое-что. Только возьми, ну ты меня понял. Чтобы безопасно было. *(Передергивается)*. Блин!

Подъезд. Студент колошматит стенку. Заметны следы крови.

СТУДЕНТ. На, бля, на...В печень, в крестец, хрясь, в солнышко, на... Вот бульба, лежит, ноги на весь вагон, рот открыт, а на языке желтый налет. Сука. Не продохнуть. *(Входит в подъезд, вбегает по лестнице, застывает у почтовых ящиков)*. Этих айзеров надо мять, как картофан. У меня заповедь – по одному в неделю. У китаезы с рекламой глаза как яйца гиббона. Он «Извините, я только положу и все». Нет не все. На, мать. Бл.. достали. В Саратове дом подорвал один из этих узких. Смотрю, вьется один. Щиток

разглядывает. Ты че, потрох, страх потерял? Я тебе помогу его найти. Понюхай пальчики. Мечтаешь сравнять все с землей, верблюдов пустынный? В загон, газку, и вперед, читай аллах акбар.

Не было же. В детстве песком в глаза и не выходит. В садике игрушку отнял, чай на колени, все, прячется по углам. А теперь осмелели. Им что чай, что песок, на три сидения лягут, поставят свои сумки «кэмел», покоцанные, как лица, из кармана «Работа для вас» и рекламные листовки. *(Скидывает листовки, что лежат сверху на почтовых ящиках)*. Стоит черный, алжирец. Приглашает лечить зубы. Я бы ему в зубы. А что Алжир тоже не дружеская страна. Они нам сахар должны. Пусть не выпускают своих. Они воздух портят.

Что за шум? Газеты, письма просятся наружу *(Ударом руки открывает, подкидывает)*. Что пишут? Сдохли, упали, нарвались. Писаки, вот бы одного тоже подорвать. А то блин, ничего путного. На лекциях скучняга. Препы луна-парк городят. Кого колышет, что они говорят. Кого колышет? Молчание не золото, а остров в Карибском море. Сейчас все заочно учатся. Сидишь и читаешь с планшета. Через год магистр всех наук. А тут смотришь на эту утопию в потертых штанах и складки на физии и думаешь «Бля... они же тоже когда-то девок портили». А наши девки сидят и ничего не думают. Пишут про то, что мир рушится, евро растет, и все боятся скупать их. Вдруг без всего, а многие не столичники, приехали из Йошкар-Олы. Они и правда целый месяц могут картошку жрать. *(Звонит телефон. Одновременно)*.

Да. Ага. Ты стерва. Ты сука. Что делаю? Провожу ревизию. Иду. Чего? Боишься? Будем вместе трястись.

Щиток искрит, из него вырывается неожиданный вздох. Легкая трель проносится и тут же затихает.

У лифта. Появляется МАМА. Она явно не в себе, освобождает шарф, нащупывает кнопку лифта.

МАМА. Я не могу. У меня. Они там. Я вхожу, а они. Это же. Я не знаю. Я не могу. Они там на моей. Они же дети. А они... и ничего. Я к ним, они, мое одеяло на полу, и грохот, я от них, потом думаю, сейчас же папка придет. И тогда. Взрыв. Маленький, но тем не менее. Я уже три взрыва пережила. Это... что мне с этим? *(Достает из сумки телефон, звонит)*. Возьми, тьяфка. Когда нужно, не слышит. *(Нервно бросает телефон в сумку)*. Дед

стоит. Парень ходит. Я как будто не у себя дома. (*Прикуривает от счетчика*). Конечно, давно мечтаю переехать. Уже спать не могу. Все скрипит, соседи сверлят. Да в этом доме дырок как после обстрела. Редкий сохранившийся дом, который не успели немцы свалить. Стоит, звенит всеми костями. Жалуются. Но моему нравится, да и дочь устроила хай. Не перееду. У меня тут друзья. Привыкать к школе? Вот доучусь. Посмотрим. Послушала. Доучивается. Последний год. Доучивает ее этот... а кто это был? Я его знаю? Оставила с этим, чтобы они... Не могла же я им помешать. Говорят, что от этого можно нарушить, как у нее, так и у него. Потом начались бы проблемы, а так, а так... я не знаю. Я-то понимаю, что она уже выросла. Читает «Пятьдесят оттенков», листает «Космо», да и каналы не с мультиками смотрит. А там учат. Позам и натуральнее, чем в книжке. Я уж и соседа попросила, он разбирается, чтобы только нормальные каналы, без порно и глупостей, он пришел, сделал, так она подошла «Мам, ты че? Ты реально запрещаешь мне смотреть телик? Я что шибзик, чтобы меня ограничивать? Ты знаешь, что бывает с теми, которых ограничивают родители? И начала, начала. Больше мы к этому не возвращались. Да, пришлось включить. А как она поносит то, что мы смотрим. Вы че, про зеков смотрите. Вам че скучно? Да не то что бы. Просто когда смотришь про зеков, то понимаешь, что те, ну не сильно от нас отличаются, и тогда так страшно становится. А она «Мама, ты уже на пенсию, а тянет к развитию». Все, финиш.

И тяфка хоть как-то повлиял на нее. Но нет. Он только и делает, что говорит, говорит, а что говорит... непонятно. Про конец света, про волны. Зачем? Кому ты это? Откуда? Почему все люди такие разные? Есть же нормальные. Что случилось со мной, почему я выбрала именно его? Конечно, я тоже не сахар. Сошлась с ним, после того, как узнала, что у него должность и квартира. Надоело жить на Алтушке и на автобусе ездить. Да я бы с безногим старпером сошлась, только бы не в комнате с тремя дурами, триндящими про Москву, как в «Слезях». Москва – это лотерея. Вот я и вытянула. (*Щиток реагирует*). Да чтоб тебя! Все надо ехать. От этого дома, студентов, мне плевать, что думает дочь. Если во всем ей потакать, то...

Из лифта выходит ЭЛЕКТРИК, ПАПА.

МАМА. Назад!

ПАПА. Я машину поставил. Там, где нужно...

МАМА. Назад!

ПАПА. Не понимаю.

МАМА. Меня надо слушать!

МАМА и ПАПА входят (влетают) в лифт.

ЭЛЕКТРИК. Ну, надо же! Забыл инструмент. Где же я его оставил? Дома. Шефа с Кларой выгуливал, потом чайник поставил, выключил я его или нет? Выключил, наверное. Первый этаж, чего там. Если что спустился, потушил. Ничего обойдусь. У меня же громадный опыт. С закрытыми глазами. *(Вытаскивает складной нож)*. И все. *(Ковыряется)*. Страдает дом. А это, значит, все тут страдают. У меня болит сердце и ничего нельзя сделать. Щиток это сердце этого дома. И тоже ничего нельзя сделать. Я, конечно, попытаюсь.

(Некоторое время он ковыряется складным ножом, столп искр вырывается).

Да, это не ВГИК. Рубильники выключать. Все, баста. Гасите свет. Домой. Да, я добрый. Позволял им лишний час посидеть. Постоять. Не знаю, где все, но меня уважали. Без меня, они пустое место. Я почти что самый главный. Выше ректора. Что он может по сравнению со мной? Я – проводник, он – так... Кино – это хорошо. Я обязательно после работы один фильм. Кофе пью, чтобы не спать, окно открываю. Вот такой принцип. Хожу на Горбушку каждую неделю. Девять в одном. Все уже скачивают, так мне хочется, чтобы все с душой было. Зашел выбрал, потрогал, купил. Обмениваю. Там у меня друг уже появился. Черный, студент. Миша. Мика. Он там на оператора учился, так я и приучился к хорошему. А то раньше все подряд. Не важно что. Тык и пошла вся эта срань, а так хорошо, и Шеф с Кларой поспокойнее. Но я ушел оттуда. Так, это две пересадки, а тут в лифт вошел и все. Правда учиться нечему. Говоришь с собой. Все пробегают мимо. Смотрят на тебя и торопят «Мне на работу». «Мне в магазин», «Мне...».

А мне не надо. У меня собаки. Хорошо, что они рядом. Быстро выгулял, и сюда. Недавно был у этих. Там розетка вывернута. Мужик боится тока. Разве нормально? Мне кажется, что я могу лечь в ванную, забросать ее электроприборами и мне ничего не будет, потому что у меня ток в крови. Так и вижу, как врачиха в поликлинике, вбирая кровь в стеклянную трубочку, говорит «У вас слишком много электроцитов...» А я «Епти, конечно, я же с током на ти. Я со всеми на ти.

Живу в гостевом браке. Это такой брак, когда жена и муж живут по-отдельности. Но так решили я здесь, а она в Новой Москве, у нее там поликлиника, магазина, мама. Это у меня только две собаки. Шеф ризеншнауцер и Клара такса. Шеф носится, а Клара его успокаивается. А Юлька собак не переносит. Говорит, что от них грязь и волосы. Да, но еще и другое тоже. Я-то с ними с детства. Точнее с другими, но их тоже так звали. По мне

если животное уходит из жизни, то нужно найти животное той же породы и назвать его по-своему. К людям это тоже относится. Правда найти человека с тем же именем и породой сложнее.

Катерина – моя радость. Раз в неделю у них. Собак кормлю, до отвала, и оставляю, а что делать? Конечно, когда возвращаюсь, такое... один раз диван изгрызли. Пружины торчат. В другой раз на меня набросились. С ног свалили. Но потом как-то привыкли. Подстроились. Прихожу, следов не так много, лежат скулят. Конечно, надо бы съезжаться. Не всю же жизнь. Пока Катька маленькая, ладно. Ради нее на все... *(Закрывает крышку)*. Только страшно, что тока не боюсь, ничего не боюсь, а этого... *(Нажимает на кнопку, машет рукой, идет к лестнице)*.

ПАПА выходит из лифта. Щиток искрит. ПАПА вздрагивает, отходит. Дрожащим пальцем указывает на щиток.

ПАПА. Ненавижу. Мне кажется, что от него тоже можно разряд получить. *(Морщится)*. Я-то понимаю, что он попросту пьян, но почему чем опаснее профессия, тем человек более вызывающе выглядит. Запах, одежда, все в нем кричит о том, что я не простой служащий, у меня за пазухой нож и завещание в трех экземплярах. Я же не кричу, чем занимаюсь. И никогда не стану этого делать. А вдруг чего... потом кто за это ответит? Все же равнодушные. Никому нет дела. Я бы поговорил с ним, но как... самое сложное начать. Я начну или он? Он работает, то есть на своем месте, а я вроде как иду мимо. Приходил, конечно, недавно чинил, смотрел на меня так, как будто я не только не могу розетку делать, но и другое тоже не в состоянии... конечно, для него все с позиции своей работы – если не шарю, бесполезный. Да могу я. И машина у меня есть, и готовлю я неплохо. Только это. И здесь я тоже могу объяснить.

Магнитная волна передается в секунды. Без света на самом деле просто остаться. Такая штука, как бомба и мы в каменном веке. За сколько дней Москва утонет в собственном дерьме? Никто не понимает. Я им лозунги, а они не лезь, куда не следует. Такое ощущение, что для них это выгодно, вот так вот, наверняка бункеры понаделали и дорогу в райские гуши. А все остальные – под сокращение? *(Искрит)*. Так и не починил. Чего делал? Завтра проснемся и все... плаваем.

Я своих учу, что нужно все делать так, на сто процентов, чтобы ты мог то же самое повторить, не лучше, а точно так. Не починил, не досказал, не докрутил и упал, повесился,

все только потому что не хватило вот этого недо... И не трудно же. Просто посчитал, что если суждено сгореть, то сгорит, и ничего ему уже не поможет. Врачи также думают. И не больно борются. А зачем? Если он сам просит.

Моя втащила меня в лифт. Мол, сейчас не нужно входить туда. А что там? Тебе не нужно этого знать. Но как же не нужно. Говори, раз начала. Я-то лучше знаю, говорит. Так и не узнал. Но я уже привык, что она там говорит, думает... не знаю. Не посвящает. Дочка меня не признает. Как только каналы ей все отключили, так она такое учудила. Я уж и не лезу. Выросла. Пусть мать воспитывает. У меня хватает отпрысков. Знаю, что Юлька не любит меня. А зачем любить, лишь бы понимала. А она и слушать не хочет. Я исписал кучи тетрадей, говорил с ней, что хочу встретиться с зам министром по обороне. Потому что это всех касается. Земля изрыта. Там метро, диггеры с фонариками – земля еле дышит. Ее скоро вывернет, только это будет точно не смешно. Кому объяснить. Хотел этому электрику, так он от меня бегаёт. Дед тоже не верит ничему. Мне кажется, что только студенты, да и они смотрят на меня, как на Лукьяненко. Ночной дозор. Но я же вам про другое говорю. Что земле хана, если не починить этот дом, не прекратить спать во время обеда и думать о том, сколько денег в кармане у Вовки Курехина. Но я не могу чинить – есть электрик, и спать тоже не могу, на лекциях не поспишь, а Вовка Курехин давно спился и лежит на глубине двух метров, и завидовать значит некому. Я в растерянности.

СЦЕНА 2

АГЕНТ И МАМА

АГЕНТ спускается по лестнице, замечает МАМУ, что заметно нервничает.

МАМА. Вы кто?

АГЕНТ. Крутые лестницы, как в горах.

МАМА. Чего нестишь?

АГЕНТ. Сам думаю, чего я несусь. Упасть всегда успею.

МАМА. Ну, конечно, если надо, неситесь.

АГЕНТ. Спасибо, могу и постоять.

МАМА. За что спасибо?

АГЕНТ. Меня отец учил говорить спасибо вперед.

МАМА. Вперед чего?

АГЕНТ. Перед тем...

МАМА. Перед чем?

АГЕНТ. Перед тем, как что-то хочешь от человека.

МАМА (*настороженно*). Ты что-то от меня хочешь?

АГЕНТ. Нет.

МАМА. Тогда зачем?

АГЕНТ. И правда. Иногда «спасибо» вылетает без причины. Мне кажется, что можно заменить чем-то другим, но видя реакцию, что я наблюдал, это самое верное.

МАМА. Без причины? Вы что подговорились? Верное? Наблюдал? Ты хоть сам понимаешь что говоришь?

АГЕНТ. А зачем? Главное, чтобы вы меня понимали.

МАМА. В том то и дело, что я тебя не понимаю. Остановился чего-то. Я тебя не знаю, чего тебе здесь надо? Трешься. Че тебе надо?

АГЕНТ. Вы мне сказали остановиться, я встал.

МАМА. А теперь я тебе говорю, двигай вперед.

АГЕНТ. Зачем вы так со мной грубо? Я же вам не грубил.

МАМА (*истерично, переходя на крик*). Вали говорю. Ты че не слышал? Я щас позову кого надо, тебя отправят.

АГЕНТ (*пытаясь быть спокойным*). Я пришел на вызов, мне не открыли, теперь вы еще.

МАМА. Мне насрать, что у тебя там случилось, просто спустился и вышел! Я сказала!

АГЕНТ. Я уйду, конечно, только пачиму таким образом...

МАМА. Пшел вон!

АГЕНТ. Пачиму вы так со мной?

МАМА. Не хочешь уходить. Держись, сука. (*Набирает номер*).

АГЕНТ (*ударяет по руке*). Зачем?

МАМА. Ах ты тварь. (*Хватает за волосы*).

АГЕНТ. Женщина не должна так себя вести.

МАМА. Слушай, мудила, что я должна тебе. (*Бьет в пах*).

Выходит СТУДЕНТ.

СТУДЕНТ. Добрый вечер, Маргарет Тетчер.

ДЕД И ДЕВОЧКА

ДЕД стоит перед дверью. Звонит.

ДЕВОЧКА. Да

ДЕД. Можно я войду?

ДЕВОЧКА. Допустим.

ДЕД входит, топчется.

ДЕВОЧКА. Ты че насиловать меня будешь? Мне уже кричать? Или подождать пока ты спустишь штаны?

ДЕД Я....

ДЕВОЧКА. Ты старый, мне еще далеко. Ты уже не можешь, я только вхожу во вкус. Продолжим?

ДЕД. Мне нужно с тобой поговорить

ДЕВОЧКА. Тебе? Со мной? Ты ничего не попутал?

ДЕД. Ничего.

ДЕВОЧКА. Тебе к соседке. Ей сто лет, она знает, что таким нужно.

ДЕД. Нет, я слышал, что твоя мама...

ДЕВОЧКА. Любит папу. А папа не любит никого, потому что он любит соседку со второго. У нее грудь больше.

ДЕД. Нет, я....

ДЕВОЧКА. Ты че, думаешь, что я не понимаю, чего ты пришел. Моя родительница наплела про меня, мятую кровать и решила попросить участника ВОВ отодрать меня в хорошем смысле. Или, по-вашему, это в плохом?

ДЕД. Я не воевал.

ДЕВОЧКА. Ты че артист?

ДЕД. Нет.

ДЕВОЧКА. Только артисты не ходили. Тогда контуженный. Все, я поняла. Ты приверженец другой религии. Буддист. Или язычник какой. Хотя таких только в армию не берут, а на войне они тоже как и все. С автоматом. Та-та.

ДЕД. Это ничего, что ты так шпаришь. Если обращать на все, что мы говорим, на воздух, то времени не останется на другое.

ДЕВОЧКА. Понятливый.

ДЕД. Главное наши поступки. Запоминается то, что ты...

ДЕВОЧКА. Давай дневник. Будем считать, что на этом лекция по воспитанию растущей молодежи окончена.

ДЕД. Еще...

ДЕВОЧКА. Все!

Девочка закрывает дверь.

ДЕД. Все должно быть не сразу. Я со своей, только через год после знакомства лег. И то, не в первую ночь. В первую так умаялись. В нашем доме-то гости не расходились. И мы у тещи. А моя боялась, что мамка нас услышит. Вот и перенесли нашу брачную ночь на другой день.

ДЕВОЧКА. Вот дятел. Учитель жизни.

ДЕД. Стол устроили во дворе. Положили две двери и кормили. Принесли огромный казан, а там плов. На свадьбе был плов. Почему плов? Так моя жена-то оттуда была. Вот и праздновали мы там. В Абхазии. Деточка, ты меня слышишь?

ЭЛЕКТРИК И СТУДЕНТ

Подъезд. Стоит студент перед дверью ЭЛЕКТРИКА. В руках у студента чемоданчик с инструментами.

ЭЛЕКТРИК. Я тебя знаю.

СТУДЕНТ. Автограф?

ЭЛЕКТРИК. Зачем?

СТУДЕНТ. Не ты ли оставил?

ЭЛЕКТРИК. Да.

СТУДЕНТ. Да родичи притащили. Типа кто-то в лифте забыл. Блин, вот папка все тащит. Твое счастье.

ЭЛЕКТРИК. Спасибо.

СТУДЕНТ. Почем нынче курс?

ЭЛЕКТРИК. Не понял.

СТУДЕНТ. Сколько твое спасибо стоит?

ЭЛЕКТРИК. А, ты хочешь награду за находку. Сейчас. *(Копается в карманах).*

СТУДЕНТ. Пойди. Ты хочешь дать мне денег. Пятьсот рубенсов.

ЭЛЕКТРИК. Я думал, что мы на двухсот сойдемся.

СТУДЕНТ. Тот кто вернул, нашел собаку или паспорт виднее.

ЭЛЕКТРИК. Я могу только триста.

СТУДЕНТ. Забудь. Мы соседи. Однажды и я забуду в лифте пакетик с гондоном, ты же вернешь его.

ЭЛЕКТРИК. Наверное.

СТУДЕНТ. Нужно платить по счетам. По таксе. Как хочешь. Тогда будет порядок. Человек хочет урвать, и остаться никому не должным. Не надо бычиться. Я не про тебя. Про всех.

ЭЛЕКТРИК. Я лучше триста...

СТУДЕНТ. Твое спасибо стоит час с одной Клавой в твоей халупе.

ЭЛЕКТРИК. Клава. Халупа? Еще раз.

СТУДЕНТ. Че тут непонятно? У меня есть телка. Я хочу ее отыметь в твоих апартаментах. Это ничего, если у тебя кровати нет.

ЭЛЕКТРИК. У меня есть кровать.

СТУДЕНТ. Тогда решено. В семь ноль пять я у тебя. Ты погуляешь, вернешься в ноль пять девятого.

ПАПА И МАМА

Комната. На диване расположилась МАМА. ПАПА смотрит в окно.

МАМА. Хорошо, что Славик появился. Он его как следует. Пару зубов как не бывало. Уполз герой.

ПАПА. Нечеткая корреляция.

МАМА. Но сознание того, что они могут... мне страшно.

ПАПА. Надежность двухсуточного прогноза составляют примерно 30-50%.

МАМА. Ничего не говори. Побереги мои уши.

ПАПА. Существует 11-летняя солнечная активность. В ней от двух до пятидесяти бурь при минимуме и максимуме солнца соответственно. Только в 1859 геомагнитная буря Кэррингтона навела шороху. И ничего за полтора века не случилось. Мы как имели 2

тысячи бурь в век так и имеем. Все они маленькие и вреда не приносят. Но есть у меня ощущение.

МАМА. Меня чуть не зарезали, а у него ощущения.

ПАПА. Редкое явление. Солнечных вспышек, выбросы коронарной массы, потоки солнечного ветра на орбите Земли.

МАМА. В нашем доме едва не произошла расправа по всем мусульманским обычаям. Я все смотрела и думала, из какого кармана он нож вытащит.

ПАПА. Если бы я смог посмотреть в телескоп. Или данные со спутников. *(МАМЕ)*.
Как ты себя чувствуешь?

МАМА. Очнулся. Как я себя чувствую. Вот посмотри. *(Показывает запястье)*.
Синяк от его удара. Дрожь до сих пор не унимается. Я уже всю аптечку в себя запихнула.

ПАПА. Некоторые люди начинают реагировать на магнитные бури за несколько дней. Этот случай произошел сегодня, значит сама буря...

МАМА. Я тебе такую сейчас бурю устрою, мало не покажется.

ПАПА. Ты полицию вызвала?

МАМА. Чтобы они сейчас допрос устроили, мурыжили нас часами. Чтобы мы потом на опознание ходили. Щас!

ПАПА. Нечеткая корреляция.

МАМА. Снова!

ПАПА. А как же тогда с ним?

МАМА. Славик его хорошо разукрасил. Теперь не сунется. А вдруг все же сунется.
(Взрыв, даже скорее взрывчик)..

ПАПА. У тебя там ничего не...

МАМА *(растерянно)*. Банку сгущенки поставила... варить.

ПАПА. Я так и знал.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 1

Около подъезда стоит парень. В вытянутой руке телефон, по всей видимости, он снимает себя.

ПИСАКА. Я оказался здесь. Среди информационных ищек мы первые. Твиттер уже вовсю. Малява начиркала. Лети птичка. На углу Щепоткиной и Лялина вспыхнул щиток. Вперед. Все просто – старый щиток. Слабые новки. Редактура не помешает. Ну что я с ней выиграю? Острозубые комменты «Удивил член яйцами», «А Щиток он из какой галактики?» Никто сейчас не пишет так, как есть. Войной еще не пахнет, но нужно сделать так, чтобы от строк разило, чтобы у парня семнадцати–тридцати лет йокало в тринадцати местах, что он еще молодой может быть похожим на этого обрубка на черно-белой фотографии. Что его оторвут от той жизни, что он вел, что ему придется сжимать цивье, спать с оружием, как со своей кожей. «Как я мощно загнул с горевшей мусоркой. Упомянул рядом стоящий «Ниссан» и сгоревшую кошку, чучело которой и разместил, за что отдельное спасибо моим фотодрузьям, что высылают картинки из жизни и смерти московской живности.

А как еще? Непроста и заковыста судьба московского юриста. Родился почеховски в Таганроге, возвращен на улице Советская, воспитан уже после 20 здесь. Вытурен из всех вузов, в том числе и «литературки». Начал писать, обозвал себя Скарром, что есть страх в переводе. Знал, что только вымышленная легенда делает тебя популярным. Хорошо быть актером, он постоянно снимается в этих легендах, но каково быть писателем, без образования, не родившимся здесь, не имеющим ни друзей, ни дядь в Госдуме, ни ботинок из крокодила за лимон.

Никто не хотел читать мои заметки о Чечне, Крыме, Казахстане. Ненатурально, он сам не знает, о чем говорит. Да, я там не был. Но, тем не менее, стал популярным. Однако эта ниша меня к себе больше не пускала. Стал заниматься рерайтом. Переписал много. Даже роман для одного рублевца, мечтающего, как учит любой папка, посадить дерево, что-то сделать с женщиной, чтобы она произвела ребенка, но не отметил можно ли дерево воспринимать, как книгу, а ребенка, как то, что о тебе, будут помнить. Про то, как он пил, ел, танцевал и ничего не хотел от жизни.

Но это не делало меня популярным. Человек пишущий – человек-информатор. У него есть такая информация, которую он держит где-то около сердца и как только понадобится, продаст либо за деньги, либо за часовой эфир на НТВ. Но если ее нет, то нужно придумать. Создать. Какая разница, было то или нет, важен эффект. Вызвать у человека реакцию. Но мало того, вызвать у одного, у двух, у черного, у испанца, рыжего, у всех сердечная мышца должна так напрячься, что боль в груди отзывалась еще очень долго.

Квартира. Дед лежит на полу, ногой придавив дверь.

ДЕД. Произошло. Случилось. Только успел за маслом сходить, поднимался по лестнице, вставил ключ, повернул и тут. Я готовый к смерти, думающий о ней, как о бутылке пива через день, испугался. Все, началось. Молись, говорит Пахом, трясет оторванным мхом. И что я получаю в результате? Грохот, штукатурка, оторванные полки. Фотографии попадали. *(Взрыв повторяется)*. Естись, как так? В окно. Куда я денусь из этого гроба? И снова – крестись, возноси руки, не пукай в его присутствии, а он всегда здесь, даже на толчке. Без него в магазин не сходишь. Конечно, он же подсказывает, какое масло выбрать. Чего же он когда я за бутылкой тянусь, не останавливает. Щипнет меня, под ребро палец не загоняет. Все хватит, достал меня. Как от жены не было толку. Она у меня так и не научилась солить мои любимые огурцы, варить солянку точно так как я люблю без кружков лимона, готовить рассыпчатый плов, чтобы взял в руку и пересыпал как песок. Никакого развития. Только сидела, старела. Не рожала, Только растила живот, чтобы однажды, наверное, поэтому тоже упасть с лестницы. Жены уже не поменяешь, разве что..

Ну, что церковь? Там попы и старухи с маслом. Там поют, и скучно. Как-то слышал. Религию поменять не рубашку снять. Почему нет. Снял одну, одел другую. Прежняя уже выцвела и пахнет.

Моя придерживалась. Мусульманкой была. Коврик, посты и жужжы про Мекку. Меня однажды отдыхать не пустила. С работы путевку давали. В Дубки. На три дня. С бассейном и пятиразовым питанием. А она все боялась, что я загуляю, музу найду. Как начнет причитать. Не люблю я эти скандалы. Так за все время и соглашался с ней. Может быть, однажды нужно было сказать ей, что хватит. Выдернув ее из религии, сказав, что не люблю курабье и венские вафли, белое вино и высохшую из холодильника говядину, тогда может быть, что-то изменилось.

После того, как старушки у метро сунули мне листовку с адресом, я поплелся. К одиннадцати в воскресенье. Главное, думаю, чтобы никто из своих не увидел. Да, большая часть по больницам и голубей кормит. Так, для галочки сходят в церковь поставят три свечки, хотя все больше за упокой ставят. И если ты не поставил, то все так удивляются. Ты сходи, сходи, покайся. А здесь не надо. Комнатка, все на полу, еле сел со своим радиком. Вышел старик, и сказал то, что я хотел услышать. «Если вы не верите в одного

бога, то это не значит, что вы не будете верить в другого». Мне редко, что нравится. Книг я почти не читаю, и если что и попадалось, то все какое-то пустое и бессмысленное. А тут эта фраза, как то, что я искал очень долго.

Теперь я хочу жить праведно. Потому что действительно, жил я как будто без Христа в одном месте. Да, он был где-то там, но напоминал скорее соседа, которому в общем наплевать на то, как ты живешь. У него крепкая стена и заходить к другу другу в принципе не обязательно, если не приспичит. А так и выходит – как только приспичит, чувствуешь, что нагрешил, ека-заека. И в церковь, свечей на тыщу, чтобы вечером выпить за сие мероприятие.

А теперь хочется. В церкви то я ничего такого не услышал. Там все поют и потолки высокие. Приходишь потом в свои два метра дико. А тут комнатка. Как у меня. Легче принять.

И желание появилось не просто жарить яичницу и спать днем перед полдником, а желание другое, более широкого масштаба. Помогать. Всем давать советы. Вон соседка оторвалась. Поучил. Не захотела слушать. Но ничего. Нужно будет еще сходить. С молодыми-то проще. Они еще ни с чем не определились. Ни с сигаретами, какие курить, ни с религией. Шутка ли, мне чтобы это понять, что нужно было пережить.

АГЕНТ перед дверью. Топчется, как будто не решается подойти к ней.

АГЕНТ. Нэльзя пить. Отец мне говорил, мать гово... тетка, брат, дядя Мунир. Но когда гости, там понятно. Там ведрами пьешь. За здоровье, за молодых. За столетнего пили. Спорили с ним. И правильно делали. Потому что было тогда в душе спокойствие. Спокойно спорили. Потому что семья, стена, что поможет если что. Но не ехать тоже нельзя. Оставаться при живых родителях, прислуживать, сидеть и стучать ложкой, как маленькие, смотреть по телевизору, как твоим братьям не дают жизни – нет терпения. Пусть, сердце начинает болеть, когда земля человек уезжает. Есть притча – сын уехал, сердце к которому он бы привязан, сжалось, натянулось, стало меньше качать кровь, но ко всему привыкаешь. Привыкло. А так разъедутся и сердце не выдерживает. Но обратно нельзя. И больно. Только соблюдая обычаи можно сократить эту боль. Наказать. Когда наказываешь, то вырастает стена справедливости, тогда все как дома. Мне, не важно будут ли меня судить здесь, главное, что меня не осудят дома.

(Делает шаги).

Пришел, а тут дым. Откуда? Черный мститель в маске? Пришел и навел порядок. Мне уйти? Бывает, идти не хочешь, все что-то мешает, сегодня отец звонил, беспокоился, кашель мой не нравится, все слова бабы Руни переводил, и я думал, не пойду. Правильно подскажет только тот, кого ты не спрашиваешь. Остальные, как будто видя твое лицо, цвет, морщатся, и тут же придумывают версию... Легче было пройти мимо.

Что я сделал? Пришел помочь, скидку сделать. Настроение было, Андрей и Топаз ушли раньше, и я спокойно принял душ, долго стоял на балконе, курил, думал о городе, что он может стать родным и что здесь может семья появиться, что не надо будет возвращаться. И тогда у меня реально было ощущение, что я не хочу домой. Что там у меня мало что осталось – нет, конечно, родные и все, но это еще не все, не самое главное. А главное оно ведь не обязательно там, где родился. Оно может быть совсем далеко. И вот так пошел на работу. Взял адрес, в ушах «Битлз», что поют дети. За-ачем?

Не знаю, что со мной сделалось, но перед глазами снова в носу паспорт и унижение. Как разговаривать с клиентом. Вы никогда себе не позволите повышать голос, вы еще мало что можете себе позволить. Кроме обеденного перерыва. Аллах не говорит нам праведничать днем, а ночью вести разгульную жизнь.

(Звонит в дверь).

А потом он, не брат, никто, посмотрел на меня, да смотри, не жалко, он смотрит, но за-чем так. Я не раб, я не должен перед тобой отчитываться. Даже перед начальником у меня нет ощущения, что он выше. А тут мне стало так плохо. Изжога, как будто горло – печка, а там три лепешки сгорают. Когда обучали страховому делу, то нам говорили, что клиенты могут попасться разные и вампиры тоже бывают – они так посмотрят, что после жить не хочется и в этих случаях не нужно ему смотреть прямо в глаза. Так в нос. И пусть он себе. Перед тобой стена. Только стена говорит, чтобы я вершил суд правды, а меня учат, что стена помогает тебе врать самому себе. Как же так?

(Звонит).

Но этот как вцепиться в меня, да как даст в солнце, и уже журавли в глазах, и убежать бы, так он не отпускает. Он как ударит. А я хочу ответить, но не могу. Дядя Мунир, Михаил Никитич, стена, стена...

(Звонит нещадно).

Батя меня наказывал, конечно. И бил. Один раз палку сломал. Но я признаю вину. Он за дело. Не надо было лошадь выводить. Да и за то, что спал на пастбище. И даже

мамка. И мой дядя. Но это правильно, так нужно... А тут я его не знаю. Ему я ничего не сделал. Нам нечего делить.

(Пытается посмотреть в глазок).

Да что ты будешь делать!?! *(Стучит в дверь)*. Никого нет. Испугался? Ему что повезло?

ДЕВОЧКА стоит у окна.

ДЕВОЧКА. Я думала, в окно прыгнет. Такой грох. Лифчик в пятки сполз. Но лучше, блин, не высовываться. Вдруг война. Майдан пришел. У-у *(Смеется)*. Да блин, конечно, ремонт кто-то закатил. Каждый год въезжают, и начинается BDSM. Поживут годик, заплюют потолок, и съезжают. А потом снова. Вот и не выдержали стены с проводочками. Траурная лента и скучающие однокасники в нотариальном автобусе. Как в «Школе» Германики. Блин, видела я ту школу, где она это снимала, только летом. Блин, не хочу я этого. Родичи мои свихнуться – за папкой будет ходить мой призрак и кричать «Агу!», а мама быстро переключится, но сделает какую-нить глупость. Продаст квартиру и купит офигенное чучело сома. Нет, мне нужно жить! К тому же, нас ждет компенсация и пиар. Переедем в новую халупу. Когда? Вчера! В душе моешься кока-колой, завариваешь песок, писаешь коктейлем Балтика-Ессентуки. Эта Москвагрязь меня во здесь. Куда они денутся. Написать куда надо, подписать в трех местах, выступить... все сейчас делается быстро. Там же тоже не боги сидят.

Не у себя парфоз, конечно. Электрон с собаками ушел. Такие медведи. Остались. Славик на меня. Я, подожди, не могу. Не у себя. Надо посмотреть. Да и запахи какие. Может, кофе, или там жвачка есть? А он все торопится. Не могу. Давай, давай. А мне интересно не сразу. Охладила его, матернув по полной. С ним только так. На кого что действует. У меня подруга, так она своего в Макдусю тащит, так он после всяких котлет-рулет шелковым становится. Ну, конечно, пиво в бумажные стаканчики под столом приходится наливать. Зато потом любая луна парка в кармане. А кто-то от музыки прется. Он будет на пляже лежать на Мальте и ему будешь предлагать офигенный баттерфляй, и если у него наушники, то он тебя песком забросает. Хотя мой пидиться любит. Без «з» для мамы. Не любит этих узких глазких. Они ему кровь напортили. Меня говорит айзер на рынке послал, когда я у него тапочки покупал. Теперь на всю жизнь... Обошли. Не смотря на запахи, у него круто. Хлопушки киношные, плакаты, старые ленты. Блин, как в музее.

Если Славик договорится, то пусть часа на два. Первый – чтобы привыкнуть, второй – для того самого. Это он через минуту может разогнать. Бентли, блин. Обо мне пусть думает.

Ходили, ходили, а потом Электрон вернулся. И его собаки на меня. Я думаю, че это все на меня бросаются. Может быть, туалетку надо в центре покупать. А то на рынке покупаешь, не знаешь сколько больных носов его нюхали. Обеспокоенный че-то. Взрыв-то откуда. Да, не знаю. Могу, конечно, предположить. Ждет пока Славик выйдет. А он уже. Весь вышел.

Подъезд, где-то на лестнице, потому что не видно, пыль до сих пор оседает.

СТУДЕНТ. Штаны не застегнул. Блин, откуда это? Гарь, шмарь. Как будто на том свете. Не кончил даже. Только думал втемяшить ее в стенку, напротив зеркала. Люблю, чтобы в зеркале мы отражались. А тут бдыщ. Seriously трянуло. На войне точно. Да я и выскочил, чтобы попасть в самую гущу, чтобы не жалеть, что ты трахался в тот момент, когда нас атаквали. *(Треск. Дергается)*. Не подходи, сейчас как. *(Размахивает руками, пытается поразить невидимого партнера)*. Да я одной правой. Что воевать будем?! Будем! Главное, чтобы с теми самими. А то придумают вдруг с итальяшками. Так они прикольные. У них фильмы классные. Они уже обиженные. Помпеи разрушены. Америкосы, айзеры. Вот кто дышать кислородом не дает. Они нам своими баксоростом перекрывают доступ. Как будто должна быть норма. Выше нормы дыши дихлофосом. Узкие массой. Спартанцы. Хлоп и нет двери. Они же не могу самостоятельно мыслить. У них один мозг на семью. В вагоны с газом и нет их. В подвалы на цепи, с бультерами. На пластику лица и мозга.

Только кто с нами? Полиция в тачанках. Чапаев утонул, Терминатора переплавили на кастрюли. В Кремле сидят и штаны ежедневно меняют. А то, что дома взрывают волнует уже после того, как дома были взорваны. Они же должны были предусмотреть. Как? Каком изнутри. Ну и что камера висит, опустил голову и прошел, а потом кровь на лестнице не смывается. Ходишь по пятнам и думаешь – это та самая или соседка Аннушка кетчуп раздавила?

Соседи? Да кто выйдет. Все сидят по своим норам. Нас это не касается, пока дерматин на двери не поцарапают. Это твой дом, ты здесь живешь, детей собираешься растить, гостей водить. А, ничего, у нас цветы в порядке. И вода течет. Из нашего окошка не видно. *(Нервно)*. Зато из нашего окна старая мусорка видна. Но почему они прячутся.

Боятся пикнуть. Больные. Им бы спайса. Если бы нам всем. Да что нужно... *(Стучит во все двери)*. Выходите. Хватит мять горбушку в кармане. Это взрыв как залп, блин, Авроры.

Сердце, как проклятое бьется. Хлоп, блин и вылетит. Как орудие. Ну и ладно. Зарядить хором наши сердца и пальнуть в две точки на карте, тогда такая радуга замигает.

На войне. Вперед! *(Замечает АГЕНТА)*.

Добрый вечер, Маргарет Тетчер.

МАМА в беспмятстве.

МАМА. Я умерла? Тело здесь, сердце тоже... но бывает, что я же не знаю, как оно там. Почему все такое белое? Может быть, и должно быть белым. Тут и кофе не черный и земля... а музыка? Я слышу музыку. Может быть, так и должно быть. Что это? Какой-то джаз. Не люблю я эти мученические звуки, словно кого-то мучают, не дают пить и выжигают китайские иероглифы на кошонке. Нужно попытаться выйти. Если я найду что-то черное, то я спасена. Стена белая, люстра тоже, окно белое, тапочки... Как же это я... только зашла, зажмурилась, думая, что в спальне... дочь и этот. Но тихо, либо все, либо... да, спасибо. Никого. Сейчас расслаблюсь. Мой звонил, что еще не скоро. Как хорошо, сейчас. Приму ванную. Как же хорошо, когда никого нет. Только тогда чувствуешь себя женщиной. У меня и походка меняется. Более легкая. Я снова девочка. Приятно просто раздеться и смотреть, как солнечные лучи скользят... до дрожи. А готовить, когда жарить котлеты и масло шипит, есть страх, что брызнет и останется след до самой ветхости. Разделась, пошла в ванную, стала набирать воду, считала морщинки прищурясь, конечно, дергала седые волосы, добавила пену, стала смотреть, как на воде появляются пенные клубы.

И тут это. Отдохнула. И не могу встать. Я хочу выбраться, но почему не выходит. Мои ноги не мои ноги. Руки тоже как будто накачаны новокаином. Надо собраться и просто двигаться вперед. Если постоянно идти, то куда-нибудь можно выйти. Не могу. *(Садится, плачет)*. Никогда не плакала, а тут. Всегда сдерживалась, но сегодня можно, я же может быть... не я. А что если все так думают, когда попадают. Они тоже не знают, что они того и тело у них накачано новокаином. И что бороться в принципе бестолку. Но нет же. Они пытаются. А что если я в реанимации. Меня унесли. И руки и ноги в порядке. А что если у всех руки ноги в порядке здесь, а там, наяву они может быть разорваны на самые мелкие куски. *(Плачет)*. Конечно, есть вероятность, что со мной все будет в

порядке, что врачи борются за мою жизнь и что у них все обязательно получится. Но когда есть вероятность, что это не так, о более удачном исходе думать не хочется. *(Плачет)*.

Я заслужила. Это все плата за то, что я так жила. Дочка растет не туда. Я стараюсь, но не туда же. У меня лимон в комнате растет. Уже большой. Его бы рассадить с хвоей, что там привилась, и они какое-то время дополняли друг друга, пока однажды я не заметила, что листья лимона стали жухнуть. Такой огромный лимон и такая маленькая хвоя. И нужно бы пересадить, только боюсь, как бы они отдельно. Она же еще совсем маленькая. А рассказать про то самое не могу. Ну как ей рассказать, что спать с женщиной это нормально, только пользуйтесь вот этим и положить ей в руку упаковку, на сколько ей хватит.

Может быть папа. Мало ему времени уделяю. Есть он и ладно. Но как же можно слушать такое. Он же говорил про взрыв. А я не слушала. Но как можно слушать про смерть, когда у тебя все хорошо и никто не волнуется. Об этом нет информации ни в газетах, ни ЖЭК в чертовых объявлениях не поставил в известность. Ничто не предвещает. Ну да, что-то с облаками, что-то с щитком. Но разве можно предположить, что небо которое безумно далеко и маленький, размером с ладонь щиток может тебе угрожать. Может быть, послушав, эвакуировав весь дом, мы бы стали героями. А тут я жертва и возможно без рук и ног. *(В слезы)*.

А что если все так думают? Про детей. Про мужей. И все это тоже не вернет, как не старайся. Тогда зачем? Но что делать? В таком состоянии как назло столько мыслей. Вот бы спеть. И эта музыка. Она мучает теперь и меня. Но что делать? Другой же нет.

Перед домом.

ЭЛЕКТРИК. Почему так? Глаза закроешь, представишь, что поймал то самое лучшее мгновение, как обязательно что-то произойдет. Мои собаки как рванут к дому. Будто у них там закопанные куски мяска спрятаны. Стоять! Шеф! Ты же у меня почему Шеф? Потому что всегда поступаешь по совести. Ты же у меня самый совестливый. Клара! Ты у меня почему Клара? А черт его вспомнит почему. Клара она и в Кремле Клара. Спокойно им. Не разгрузились же. Нет, к дому и все. Испугались. Вот студенты лучше всех справляются со страхом. У них есть иммунитет, они после его теряют, конечно. Как будто обрезание делают. Словно им чип при поступлении вшивают, а при окончании он либо сам растворяется, либо вынимают. Хотя кто его и сохраняет. *(Нервно, с*

легким приступом злости). Только не эти псы! Разве двух опорожнившихся псов возможно удержать? Человек замирает, а собаки наоборот.

Дом стоит. Пару стекол на площадке выбило. Только дымок курится. С собаками влетаю. Я и забыл, что там двое. Должны были закончить. Или кончить. Час прошел. Я успел пятнадцать раз дом обойти. Идешь на поводу по доброте. Прыткий этот парень оказался. Не умею я с ними разговаривать. Они какие-то скользкие. Не говорят, а как будто в игру режутся. Я для них противник, и его надо завалить. Не верится, что они все были когда-то маленькими, как моя Катька. Она же не может вот так. Нет, она у меня другая. Она у меня...

Но парень куда-то делся. Стоит растерянная. Мне тоже стало не по себе. Собаки сорвались и на нее. Не могу я смотреть на того, кто пять минут назад... для меня всегда было так прикосновение к женщине, все равно, что разряд. А когда она рядом и у нее щеки красные и грудь так поднимается. Это точно взрыв. Мне кажется если собрать всех таких под одной крышей, то пластиковая взрывчатка готова.

Он ушел, а ты чего не уходишь, спрашиваю. Конечно, куда она уйдет, там сейчас такое. Не пустил. Напоил чаем. Как же хорошо, когда кто-то дома. И вот мы сидели так, говорили о пустяках, наверное, я ей фотографии Катьки показал, она мне татуировку на руке, о том, что хочет еще на спине огромного змея, защиту от сглаза. И я совсем забыл, что там за дверьми недавно был взрыв. Живешь тут один, разве что с Шефом, да Кларой иногда усеваешь перемолвиться, да и работа электрика это все равно что работа художника – у того полотно, у меня панель, приборная доска, щиток. Ему бы разобраться с красками, а мне найти неисправность, устранить и дать свет всему дому, а это значит, что тут же заработают холодильники, микроволновки, плиты, они сейчас тоже электронные, включатся телевизоры, компьютеры, запоеет радио... чем не творчество. Более чем. Разве что одиночество гложет. Иногда такая тоска. Шеф и Клара вместе в полную луну воют, так и мне тоже порой хочется, хочется встать третьим рядом и в унисон у-у... Только сейчас за стенкой воют. Соседи, твою бабушку...

Щиток накрылся. Старый он. Подкрутил. Надеялся, что хватит на неделю. Хотел поменять, да тогда от Катьки ехал. Она меня курицей и варением нагрузила. Мне не стыдно, что приезжаю с пустыми руками, а уезжаю с полными сумками. Так у меня же собаки. Их нужно кормить. А тут и на билет пришлось попросить. Стыдно было, что все пропил. А что? Сама виновата! Никто не контролирует. Вот и расслабился. Вот и получается, что моя Катька виновата. Да нет. Дочка тут ни при чем. Хотя, если бы не

родилась, то мы бы спокойно здесь жили. Дом был бы в полном порядке. И не скажешь, что старый. Но ничего, моя Катька она лучше, да как же я могу, без нее мы разве не жили. Пожили, не то. Вместе жить – большая ответственность. Это же каждый день, с работы вовремя, да и собаки тоже, она же их выгонит ... так лучше.

Не думал, что он так неожиданно. Все надеялся быть суперменом, успевающий перерезать проводок за две секунды до взрыва. А так. Нужно подождать, пока пыль осядет, а потом пойду, если конечно, не появится другой спаситель человечества.

ПАПА у лежащей в беспмятстве МАМЫ.

ПАПА. А я же предупреждал. Не верили. Теперь уж никуда не деться. Все на лице. Уже поворачивая на Ярославку понял, что все, что-то не так с машинами. Застыли. Пробки не новость, но сегодня ничего не движется. Полчаса. Авария. Тем более, все объясняет. Парень на мотоцикле влетел в столб. Смятка. В него дед на «Нисане». Похоронил свой кузов. Вылез, крик, вой, сирены. Тахикардия замучила. Облака кучкуются, как будто устраивают заговор. Конечно, я ожидал большего. Не просто хлопушка с дымовым эффектом, а... конец. Обычный конец. Как это бывает. Со взрывом, зашкаливающими данными, криками и попыткой уйти от неизбежного. Но это только начало. Сперва щитки в каждом доме, потом сами дома, канализации, из канализации потечет дерьмо, подохнут кошки, собаки, дети. Гнев земли будет распространяться быстрее, чем вы думаете, что успеете сбежать, очень скоро он достигнет и центра. Дерьмо плавающее по Красной площади, путешествующие по Москва-реке, топя прогулочные парходики. Они же не понимают, что это знак. От бога, если хотите.

Теперь, надеюсь, не нужно будет объяснять. А то, скажи, докажи, молчи. Сейчас молчи, не молчи, эх...И это хорошо, что мир в тартарары. Я не о себе беспокоюсь. Я думаю о тех, кто будет жить после нас. Может быть, тогда земля или что там будет после нее, может быть жизнь перейдет на другую планету, очистившись от плевны, будет давать миру другие, более чистые организмы. И ничего, что погибнет одна раса, возникнет другая, и также первые люди будут изобретать колесо, и добывать огонь. И ты, перестанешь, наконец.

А ты в обмороке. Звоню, никто не открывает. Я не люблю, когда дома никого. Всегда хочется, чтобы тебя ждали. Тапочки и ароматы. Даже подгорело если. Все равно. Что делать с этим временем, с этими комнатами. Они пустые. Эти кровати, столы, полки,

все какое-то другое. Когда-то знал, а сейчас... но недолго длилось это сомнение увидел, лежишь. В ванной. Голова в пене. Страшно даже. Быстро вытащил, нашатырку в нос, очнулась, застонала и стала размахивать руками. Это я. Я же. Приняла ванную, я с ней рядом, она не уходит, ей кажется, что все может повториться, я ее успокоил, что нет. Не стал ее тревожить, хотя конечно, она права – все точно, повторение неминуемо. Она снова уснула.

И вот она спит. И снова я не знаю, что делать с этим столом, помятыми брюками, не могу найти ложку. Не понимаю, почему так мало электричества. Почему так тускло светит лампочка?

СЦЕНА 2

Репортаж

ПИСАКА. Страх имеет в своей основе реальное или предполагаемое бедствие. Реальное – на вас летит автобус без тормозов, голодный медведь гризли, а вы связанный, контуженный или онемевший. Предполагаемое – врач диагностировал рак. Есть время, неделя, месяца три, но через три точно новая жизнь. Загробная. Знатоки учат действовать несмотря ни на что, тренировать отвагу и принимать решение. Потому что страх это нормально, и без него, наверное, не было бы того, что есть кругом. Дерево растет со страхом, что его задавит другое, ребенок боится своей тени, не говоря о чужой, плывет рыба, боясь быть съеденной. Мы боимся, что нас поджидает за углом, что нас ждет там, или убийца с татуировкой на языке, или террористы в метро, в театральном зале, в аэропорту, или мы, попросту, умрем от того, что пришло время.

И конечно, хотим предотвратить это. Цикл передач под кодовым названием «Страх» будет рассказывать о том, что мы боимся и как нейтрализовать то, что есть в каждом. Сегодня мы покажем дом. Семь этажей. Он располагается в центре нашей столицы. Дважды пенсионер. В нем жили два печатных листа значимых имен. Здесь писали, устраивали заговоры против Сталина, прятались от НКВДшников. Дом не рухнул в точности из-за того же, почему Ленин до сих пор в мавзолее.

А вот и он, человек, которой принес то, что никто не ждет. Подъезд, который он выбирает случайно, домофон. Он входит под видом почтальона. Кто он? Конечно, это может быть кто угодно. Но здесь мы можем разглядеть глаза особенной формы, цвет кожи, и это первое, отчего мурашки и пот на лбу. Они вошли в город, чтобы получить работу,

чтобы покупать булку за 6 рублей, чтобы стать на конвейер для производства желтой техники. Они вошли в подъезд, чтобы сказать спасибо весьма изобретательным способом. Только дикари могут превратить историческую ценность в ничто.

АГЕНТ (лица не видно, разве что одежда помогает нам определить, что это он) входит, вынимает из кармана сверток, оглядывается, открывает щиток, вкладывает туда. По лестнице бежит девочка, из двери выходит дед, вынимает сигарету. Звучит «Битлз». «Дурак на холме». Кошка лакает из блюда молоко. Электрик расслаблен, как и его собаки. Мужчина с женщиной входят в подъезд.

ПИСАКА. Ничего не предвещало. В этот день была прекрасная погода. Народ радовался, что цены не скачут, есть возможность откладывать и делать ремонт раз в четыре года. Радиоведущие кричали, что мир прекрасен и нужно успеть его обойти. Пенсионеры не думали о смерти в редкий час, молодые стали добрее на чуть, город меньше дымил и воздух приятно радовал.... А, может быть, мы зря волнуемся. Это все наши домыслы. И страх он приходит не потому что реально опасно, а потому что он уже давно сидит в нас. С самого рождения. И ничего не происходит в реальности. Мы сами все домысливаем.

Взрыв. Дым, звук разбитого стекла. Крики. В том числе и кошачьи. Лай собак. Медленно сыплется штукатурка. Искаженные от ужаса лица жителей (деда, девочки, электрика и других).

ПИСАКА. На его счету не первый дом. Выбирая объект, опираясь на ценность, не заботясь, кто в нем живет, он уничтожает то, что по его мнению не соответствует определенным параметрам. Люди с определенной формой глаз, те, кому неизвестно, почему эта улица так дорога, что по ней может быть ходил Есенин, им не важно, что значит сохранить, для них все, что не врезается в их форму, плохо и требует реформации. С помощью...

Повторение взрыва. «Битлз» звучит отчетливее с акцентов на «Дурак...». Штукатурка медленно сыплется.

ПИСАКА. Подумать, что бы могло произойти, если бы жители не спохватились... Этот террорист (*человек с ретушью на месте глаз показывается на экране*) не хотел останавливаться. Были и заложники. (*Лицо МАМЫ*).

МАМЫ. Он ударил....

ПИСАКА. Местный парень, студент помог обезвредить преступника. Если бы не он...

СТУДЕНТ. Добрый вечер, Маргарет Тетчер.

(*Скручивает агента*).

ПИСАКА. Ему страшно, но он все равно идет и делает то, что далеко не каждый сможет.

(*АГЕНТ вырывается, МАМА кричит и падает. СТУДЕНТ бросается на террориста, но тот достает нож...*)

ПИСАКА. Вам уже страшно.

ПАПА. Этот коллапс скоро захлестнет мировую державу.

ПИСАКА. Коллапс. Этот человек знает, что говорит. Весь мир. Не только дом. Сегодня наш город, потом соседний и скоро земля задрожит.

ПАПА. Затрясется.

ПИСАКА. Точно.

ПАПА. Я говорил.

ПИСАКА. Мужчины еще ничего, но женщины. Есть и беременные, есть и такие, которые всегда думали, что где как ни дома можно спокойно жить.

МАМА. Я думала, что это конец.

ПИСАКА. Женщина, думала, что конец неизбежен. Каково сидеть в своем доме, как на пороховой бочке?

МАМА. Я думала, что знаю, что такое страх.

ПИСАКА. Она думала, что знает.

ДЕВОЧКА. Мама с папой ушли, я осталась одна.

ПИСАКА. Одна.

ДЕВОЧКА. Это было похоже на землетрясение. Меня два раза подбросили, потом уронили, потом снова и снова. А еще этот гул и песня «Битлз» про дурака на горе.

ПИСАКА. Дети, оставшиеся дома получили в подарок этот страх, который станет их вторым я на долгие годы. Перед глазами оно – сколько раз они станут просыпаться с

криком, что им приснилось ужас с определенной формой глаз. Скажите, в чем виноват дед, прошедший войну.

ДЕД. У меня внутри сердце и оно бьется. Знаете, что происходит с ним после того, как не спишь три дня? Неделю. У меня после того, что произошло бессонница.

ПИСАКА. Это может произойти и с вами. Ваш дом сегодня стоит на месте и в нем выходят на площадку ваши деды, спускаются по лестнице дети и кошка мурлыча лакает сливки. Как быстро это может прекратиться?

Повторение картины появления АГЕНТА. Быстрый переход на сцену с ножом. Студент выбивает оружие и ловким приемом «маваши» ударяет соперника. АГЕНТ падает.

ПИСАКА. Победа. Чисто случайно. А могло и...

(Клуб взрыва ядерной бомбы).

Но повезло.

С вами был Роман Каюшкин и его передача «Страх». Смотрите на следующей неделе. Насилие в городе приобретает массовое значение. Молодые люди снимают номера в гостиницах, чтобы что... об этом на следующей неделе. Берегите себя. Не бойтесь.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ ОДНА ЕДИНСТВЕННАЯ СЦЕНА

ДЕД заканчивает вставлять стекло. Прибывает последний штатик.

ДЕД. Готово. Спасибо, дед Семен. Не за что. Шастают. Выдрать бы их, да в угол лет на пять, я бы посмеялся. Любил смотреть, как котлеты горят. Она зазеваается, белье вешает, как елочные игрушки, а сковорода уже подпрыгивает. Потом бежит. Что же ты не сказал, а почему я должен говорить. Она начала, она и должна завершать. А так получается, что я вмешиваюсь. Не люблю, когда кто-то вмешивается. Не любил точнее. Сейчас сам попробовал. Девочке сказал, что у нее котлеты горят, точнее не котлеты, а отношения с родителями. Не слушает. Студенту сказал, чтобы не выражался, так он меня отправил. Я конечно, сдержался, но ремень мысленно снял и выдрал. Электрику, что не знает меры тоже, так... все вроде правильно. А потом этот писака появился, сказал, чтобы мы показали, как оно все было. А что было? Я не видел. Взрыв. Говорят, что у нас тут

террорист объявился. Говорят...говорят, что в Москве кур доят. А у меня война в кишках во всю длину. Какой-то парень ходил. Наверное он. Хотел дом спалить. С востока он. Не ее ли воплощение. Хорошо что ее... его схватили. Пусть посидит. Хотя щиток старый. Может быть, случайность. Да кто их разберет. Но я же должен помогать, вот и помог. Вы говорит повторяйте, и никакой импровизации. Так я даже и не знаю, что это за самая импровизация. Но он такой серьезной, слушайте меня. А я что, я буддист, мне помогать нужно. И никуда не денется.

Но вот что получается...

Я что хотел? Верить во что-то реальное. Чтобы бог был авторитет, а не только книга и крашенные яйца. Мне нужно, чтобы говоря о нем, сердце замирало. Как будто я секрет какой-то ношу и ни у кого такого секрета как у меня нет. И здесь нет того... *(Сокрушенно)*. Буддист, а бога все так же не видно. Помогая им, ты помогаешь себе. Так получается, что никому моя помощь не нужна. Значит, и себе я не помогаю. А тогда смысл? *(Взволнованно)*. Да, если так рассуждать, что она жива и просто перевоплотилась. В коту, кошку то есть, книгу по кулинарии, сушеным мандарином, ершиком для бутылок. Конечно, она могла стать другим человеком, воплотиться в ребенка. Ребенок? *(Смеется)*. Нет, моя уж точно не могла. У нее же вечно все не как у людей. Она точно стала... *(Смотрит на окно)*. Нет, это мне не подходит. Она могла стать этим стеклом, что я сейчас заменил, наконец. Нет...об этом-то я не подумал.

(Проходит СТУДЕНТ).

Не здороваются. Ему бы помочь. Научить, как нужно. Эй, парень. Что? Снова отправил. Хоть бы подсказал где это. Не так обидно когда тебя отправляют с точным адресом. Электрик вышел с собачками на прогулку. Жена у него где-то. Как у меня почти. Ну и что что живая. Не рядом же. Все равно, что... поэтому помогать ему, это все равно, что самому совет давать. И как только я понял то, что я бы не хотел, чтобы мне советы давали, это желание стало исчезать. А если я не помогаю, то вообще к чему все это? Ну, верну я ту религию, и что дальше. Без бога вообще проще. Тем более я его и не видел даже. Другое дело жил с женой, умерла и думаешь о ней так или иначе, сорок три года не шутка. А с богом я и не виделся даже. Поэтому он не заслужил, чтобы я о нем думал. Пусть лошадь думает, у нее голова большая.

Мне бы главное поговорить. А кто это будет? Вот жена была. Говорил с ней. Теперь не с кем. С одним богом говорил, потом с другим, наверняка третий найдется, только это все равно что не говорил. Как найти такого бога? Пятый он будет или двенадцатый, чтобы

поговорил и хорошо. Груз долой и не хочется на тот свет. А то там встретишься со своей Дуней и начнется все по-старому. Страшно, аж вспотел.

СТУДЕНТ влетает в подъезд, вытирает руки о стены.

СТУДЕНТ. А-а, черт. Мускулистый, сука. А, больно то как. Знал бы, кирпичом влетел, раскрошил бы передние зубы, откусил бы ухо. У меня же иммунитет. Утомила эта бабля. Спортсменам перед соревнованиями нельзя этим заниматься. А у меня все равно, что спорт. Враги специально засылали своих женщин в тыл, чтобы те истощали силы противников. Никакого. Посылать ее. Терроризирует. Однажды дал слабину, все... ну ниче. Пусть буксует, все стоп, Калашников. Нет ничего. Не было и все. Пусть она своими родаками помыкает, а я ей по сути никто. И она мне не пупочная грыжа. Чурка, блин. Кулаки раздул, и понеслась. Я в блок, он блин на три шага чует. Капитан ФСБ нахрен. А все она. Я думаю, что это в последнее время нет сил. Иду просто иду, и вдруг как-то ноги подкашиваются. Не могу. Чтоб раньше такое... не. Тут надо завязывать. По крайней мере, пока. Она будет ныть, умолять, сцену «На игле» повторять». Если ты меня бросишь, то я тебя засужу. Только нихера. Как с тем обдолбышем не выйдет. Я умный. Во мне гений сидит и не спит нихера!

А-аа (Колотит, до крови на костяшках).

Герой, твою чурку. Стал героем. Сейчас. Мне на самом деле пофигу, кто и что говорит об этом. Я просто ненавижу этот род. Все, что вокруг этого, растет и происходит, ест и печет, лепешки и рестораны, запахи и акценты, от всего меня воротит. А почему для того, чтобы ненавидеть, надо говорить об этом по телику? Да еще и врать блин. Я просто сделал свое дело. Надо просто бить, и как один немец, который планировал уничтожить евреев, смог все же осуществить свой план, пусть только наполовину (вместо одиннадцати миллионов шесть). Но он блин не трубил, не обращался в рекламное агентство, чтобы ему выписали чек с годовым контрактом. Он просто мочил. *(Звонит телефон. Берет трубку).*

Да. Ничего. Зачем? Нет. Не хочу. Да не хочу я сказал. Просто не хочу. Все, пока. Что еще? Все. *(Отключает телефон и засовывает небрежно в карман).*

Блин, буду я еще объяснять, что и зачем. Малолетка. Мне то, что она хочет. Я что ли должен за это отвечать. Если бы ее использовать. Заразить ее чем-нибудь, и она как отравка для тараканов заразит целый выводок. Как вирус Эйбола, который все не может до не

дойти. Все просто – чтобы дошел, нужно ему помочь в этом. А они трясутся. Да у всех один диагноз. И у родичей тоже это коснулось. Блин, теперь будут присматривать. Им конечно пофигу, но блин, когда тряхнуло, у всех сместилась норма. Теперь все блин жди чугунные двери и окна с решетками до самого верха. Как будто это спасет при взрыве. Да, продают уже тоже. Смена не за горами.

А я так решил, что никогда не буду светиться. Нам надо держаться тихо. Чтобы все было неожиданно. У нас тоже есть свои горы, в которых мы прячемся. *(Звонит телефон, берет трубку, небрежно выключает)*. У нас есть горы, в которых мы прячемся!

ДЕВОЧКА у окна.

ДЕВОЧКА. Папка не тормози, садись уже. За тобой «Лекс» зеленый. Пропусти, а то наследуешь мне твои долги. Во, правильно. Дочка умнее тебя в раз... десять точно. Мама ты че-то забыла? Вот не надо возвращаться. Плохая примета говорят. Во, умница. Теперь садись. Никто не мешает. Вас ждут в гостях такие же скучные создания с кубометром лака на голове как и вы. Вжик и нет вас. До свидос, папос и мамос. Считаем до пяти. Раз, приехал вырви глаз, два, упала голова, три расплющились мозги, где четыре, там и пять, надоело убивать. *(Берет телефон, набирает номер)*. Привет, как ты? Мои испарились. Не слышу бурной реакции. Как твои ребра трещат от выпирающего сердца. Ну, все, ушли. Ко мне или... Только не у Электроника. У него собаки. В последний раз он их просто закрыл в соседней комнате. Что? Как нет? Я чего-то не поняла. Ты че перегрелся. Тебя давно не перезагружали? Не хочешь? Повторяю. Мои слиняли, кровать свободна, холодильник тоже. Что-о? Да пошел ты, идиот. Дурак ненормальный. Нет, постой. Я сказала, стой! *(Начинает набирать)*. Он мне не нужен так, как я ему. Что я без него пропаду что ли? Перец моченый. Трухля, а не человек. Я к нему всей душой, а он нос локтем вытирает. Фарфоровый нож тебе в зад. Так, Юлиана спокуха. Одним удадом в твоей жизни меньше. Появилось время, убивай не сразу. Жила без него шестнадцать лет, смотрела, как он ревет, домой не хочет. Уперся, ноги в стороны, как будто опера обыскивают и не войти, не проехать. Упертый. А еще на перилах бабслей устраивал. Перепрыгивал через пролеты не достигая пола. И орал. Есть такая курица резиновая, что орет. Я мамке на новый год прошлый подарила. Она реально прикольная. Ее врубишь и она такой концертник начинает, мама роди меня назад. Так он примерно так и кричал, когда эту олимпиаду затеял. Соседи были в ауте. Но ему пофиг, что соседи подумают. Он реально имеет по

жизни свое мнение. Если он захотел... но он все равно гадюка, так со мной нельзя. Пригласил в ресторан, угостил, анекдот втравил, и между смехом и вторым пивом «Давай приторможим». Не вопрос. Но что за не хочу. Иди на сколько хочешь букв. Как малыш и Карлосон. Малыш, малы... *(Набирает)*. Возьми. Ты всегда берешь. Я же сама позвонила. *(Плачет)*. Сама. Напиши хоть. Сука. Чтоб тебя собаки бешенные загрызли. Откусили в первую очередь твою морковку. Подскользнулся чтоб на банане и мозжечок отшиб. Домой чтоб только к пенсии дошел. Картина «Блудный сын» называется. Чтобы ничего не добился. Чтобы подавился своей ненавистью. Ненавидит он узиков. Они ему дорогу перешли. В обед плюют. Не нравится как они ходят, на шпагат садятся. Однажды мы с ним в кино попали. Обычный попкорновый фильм. Там два бугая под три метра азиата полуметрового одного избивали. Мой так захопал. С овациями. Да еще прикрикивал: «Давай, еще, еще!» Мне стремно так стало. Я же с ним. На нас косились, я слышала, как до него неприличное долетело. «У него не все дома». Я же спокойно отношусь. У нас в классе трое представителей— Амир из Пакистана, Руфан из Киргизии, Ильдар из Башкирии. Без Руфана ни одна попойка не обходится. А Ильдар всегда что-нить такое скажет. Все лежат. Амир такую рифму завернет. Он и в беге первый. Дятел его обгоняет. Но верю, что он еще побьет рекорд.

А за что? За что? Я понимаю, за папку своего. Бывает же кровная месть. Да у него отец всю жизнь таксовал, мать кем-то там в культуре, то ли помощником главного, то ли главный помощник. Жили и никогда ноги в больнице больше одного дня не лежали. Просто у него есть это и все. И порой объяснить трудно, но это заложено. Как оно заложилось, никто не успел уследить. Вот заложили в человека желание много говорить, или петь. Или врать.

Нас снимали для телевидения. Этот парень нервный такой попросил рассказать. Я честно рассказала. Что у нас больше проблем от алкашей, что на каждом этаже поштучно, чем от айзеров, что листовки по ящикам раскладывают. Да, мусора от них... Пока до письма доберешься. Но блин, не устраивать ему всмятку. Не думала я, что этого парня так унизят. Он же ни в чем не виноват. Он просто ходил, а этот гавнюк. Он что сделал, взял вырезал, все самое хорошее, склеил мое испуганное лицо, обрывок фразы, еще этот взрыв и в результате этот парень будет бояться ходить по улицам. Его счастье, что у них все на одно лицо. *(Набирает номер)*. Может, хватит? Отключил? Воспользовался. И отключил. Все пользуются. И гавнюк. И родители. Я для них такая ширма. Чтобы я могла оставаться дома. Чтобы они могли спокойно жить, не думая, что у них никого нет. А у меня кто есть?

В комнате, при полной темноте.

МАМА. Если подождать, то можно конечно и на пятьсот больше. Евро скачет, доллар не отстает, все притихли. Включили аварийку, сидят, дышат выхлопом, а я не могу. Надышалась. В службу спасения. Там матерые только полы и вывеска, а сами... Почему с женщиной надо как-то иначе? За дуру меня принимает. У меня не шесть классов, я дылду из одиннадцатого за волосы таскала. У вас пятьдесят три, и восемь. За каждый метр. Какой метр. Не вешай мне, называй нормальную цену. Третий агент. Все никак не могу сторговаться. Но продавать надо. С пятым или семнадцатым. Хватит. Все сидят, а я надышалась, заработала гайморит. Мне плевать, что его мама тут жила и все так дорого, но я, прежде всего, думаю о том, что... тихо, тихо, тихо... нет, показалось.

Мама меня до трех лет на руках носила. По крайней мере, я так себя помню. А потом отпустила и в результате шрам на бровной дуге. В пять обида, первые шаги на льду, крик, вопрос «Где папа?», недоумение «Этот человек па-па?». Такой странный, с опущенной головой, мычащий что-то под нос, иногда дающий конфетку. Он не может быть тем, про кого можно говорить с Элькой и Светкой в столовой через ладошку. Лучше про запахи. От этой пахнет зеленым, а эта красный цвет, такой мясной. Па-па, он был черным. Он исчез, когда я пошла в школу, и когда заканчивала музыкалку, получила от него старый полушубок из кролика. Все. У меня был папа, от которого я получила конфетку и кроличий полушубок. Да, еще он подарил мне на всю жизнь совет «крутиться», вот я и закрутилась, скрутила му, вместе с ним эту квартиру со скрипучей дверью, от которой я вздрагиваю. И теперь я хочу от нее избавиться, потому что, потому что... (*прислушивается*) это невыносимо. Успокойтесь! Да что такое?! Руки не слушаются. Что делать? Когда ребенок не слушается, его можно выпороть. Когда машина сломалась, можно спуститься в метро. Когда трясутся руки... что ... тихо. Эта, мать твоя, дверь...

Когда дочура была маленькой, то я боялась показывать, что мне плохо. Глушила в себе эмоции. Они где-то копились. (*Смотрит на руки*). У меня болело сердце. Вокруг него. А что вокруг него? Однажды оставила, возвращаюсь, а она вышла на балкон, свесила руки и болтает, напевает что-то. «А когда мама придет?» «Это не ваша?» Где? У меня ноги подкосились, я плачу, и бегу. Не дождалась лифта, по лестнице. Реву. Хватаю ее, она так глазками хлоп: «Что с тобой, мама? Отпусти, мне больно». И плачет. Я и не заметила, что сжала ей руки так, что следы остались. А если бы она тогда... как только начинаю думать,

то сразу такая безысходность. Если бы она упа..., тогда все... ее нет, а жить дальше. Зачем? На мгновение – не было бы этого стыда, что я испытала, когда увидела, как она с этим загорелым на моей кровати. Для матери самое страшное, когда впервые видишь этот сморщенный жалкий комочек и после того, как понимаешь, что не уберегла. А она плачет и хочет, чтобы я ее обняла, а у меня страх, что она такая крохотная, к чему-то вспомнила, как смотрела на горку и думала, можно же ногу сломать. Как однажды стала бояться всего. Крутых лестниц, дорожных переходов, машин с большими колесами, усатых, бородатых, на велосипедах, в форме, иностранцев. Меня же прозвали тонкокожей. Но сейчас же нельзя. Она не должна знать, что меня унижали перед всем классом, назвав неряхой за грязный фартук. Она никогда не узнает про то, как я плакала из-за разбитой тарелки с кенгуру. Кенгуру больно, он будет плакать. А мне каково? Он-то глиняный. И вот это все мы не должны показывать своей доче. Она же будет смотреть на меня. На кого еще? Она будет слышать мой плач, чувствовать мою слабость. Нет. Я сильная и кожа моя толстая. Очень толстая. Не прокусишь! Тихо, тихо...опять этот скрип!

А тут камера и я, наверное, не удержалась. Когда ты в себе носишь, каждый день как будто оформлен так, как тебе нужно, ничего, но если кто-то говорит – вот время, расскажите про то, что произошло, я вам помогу. И у тебя нет четкого сценария, ты сперва отдаленно, не свое и интонация чужая и про каких-то Гариков, и про то, что дом не главное, главное люди, но все равно тихой сапой приближаешься к дому, говоришь то, что у тебя глубоко закопано. Про то самое, о чем ты всегда молчала. Блин, что я там наговорила? Да, чтобы не выдавать себя, я должна была говорить что-то другое. Чтобы уйти от дома, спасти свою дочь от матери с тонкой кожей. Был этот парень с востока, этот журналист, что подсказывал. Вот и получилось, что за мою дочь пострадал он. Если бы не он, тогда бы я. Но лучше он. Всегда лучше, когда он. Ему как-то попривычнее.

Ночь. ЭЛЕКТРИК выходит на лестничную площадку, достает из-за пазухи чихушку, откупоривает, пьет.

ЭЛЕКТРИК. Я стал сильнее. Уверенней. *(Смеется)*. Когда родилась, думаю выпью, как все. Отмечу. Был у меня один друг. Да где он? Так и не выпил, бросил бутылку в сугроб. Пусть кто-нить другой. Я же пил, как проклятый. Мне четыре поллитра за раз как два пальца. Говорят, смертельная доза. А мне ничего. У меня состав крови такой, что никакая зараза не смешивается. Жирная слишком, врачи говорят. Разжижать надо. Так я ее

и разжижаю. Пока возился с кровью, фигура около меня образовалась, подтолкнула меня к себе, как-то решила, что делать, слушала меня, этим и взяла. Я говорю, а она кивает. Смотрю, у меня кольцо. Ребенок как-то появился. Не верил, пока Катьку не увидел. А потом так же и уехала. Гостевым будем жить ошарашила. Как это? В гости будем ходить? Или они к нам. Так это и так... Она мне объяснила. У тебя собаки, у меня мама с поликлиниками. Ты живешь здесь на ВДНХ, а я в Переделкино. По выходным к нам, а то и по будням заскочишь. Не я же, говорит, за картошкой буду ходить. Она за меня все и решила. Да ладно, как по-другому? Если мне решать, то что получается? Нужно либо их сюда, либо к ним, а у них восемь человек, да и работу, если только менять. Я уж как-то привык к этому дому, собакам, щиток для меня родной. Дом – это механизм, который может понять только тот, кто живет в нем. А к новому дому еще привыкать надо. А я очень трудно ко всему привыкаю. Когда Шефа завел, ничего, а когда Клара появилась, то стесняться начал. Как можно при суке голым ходить? Вот и обживались, пока она в одной комнате, я переодеваюсь в другой. Шеф помогал в этом.

А потом фигура, кольцо, Катька в животе. И вот она на шестом месяце уехала, я вернулся домой, сел на пол, там где всегда много обуви (жили двое, но почему-то всегда много). Шеф меня облизывает, а Клара лежит. Понял, что совсем забросил их. Испугался. У нее кислородная недостаточность, а Шеф мой крепыш, консервные банки переварить может. К ветеринару через дорогу. Я привык к нему если что. Так его дома нет. Я с Кларой на руках ищу этого спеца, а в руках дрожит тело. Нашел, выходил, слово дал, что никогда больше не оставлю. Моя говорит, что у нее есть отличное место для моих в одном питомнике, они там как сторожевые собаки будут. Это мои-то, сторожевые? Они же другие. В общем, я в никакую. Чтобы еще раз пережить такое... у собак и так жизнь короткая. Шефу 12, Кларе 12 с половиной. Средний возраст подходит. Моя дочка еще в школу не пойдет, как они... Вот тогда и перевезу своих. Но пока они живы, я должен быть рядом. Надеюсь, Катька поймет.

Щиток конечно подводит. Все бы тихо прошло – сколько у меня этих ситуаций было. Да что ни день. И все как-то мимо. Ходят соседи, ворчат, жалуются, но чтобы так с масштабом. Конечно, раньше такого бум-бама не было. Посверкает, попугает малышей и клюшечных теток и все. А тут такое – до сих пор не понимаю, как такое могло произойти. Все шишки, конечно, должны были на меня посыпаться, а тут откуда-то этот парень. Он виноватым оказался. Так он же ничего не делал. Меня сняли, представили, как электрика со стажем, с которым надежно. Но ведь это не совсем правда. Клара у меня чуть не сдохла,

дом не взлетел к двоюродной бабушке. Жена живет через три тысячи домов. Первый сорт. Да кому нужна эта правда?

ПАПА в полной темноте.

ПАПА. Пока она не говорила, все слушала. Я ей про мир рассказывал. Что корабли тонут и в автобусы бомбы попадают. Я ей пытался с самого детства глаза не все открыть. Чтобы не выросла нюней. Да, есть не только жизнь, надо не заблуждаться. Никаких аистов и глупых сказок. Она смотрела внимательно, так послушает и пальчик сосет. А бывает, послушает и как укусит в плечо, наверное, думаю, что-то поняла. Потому что ни к чему нельзя быть равнодушным. Вот она и высказывается по-своему. Только мама не хотела, чтобы я про это говорил, часто от меня дочку уводила. Считала, что я оказываю на нее дурное влияние. А я все равно находил время. Перед сном или когда на улице гуляем. Чего это вы так долго? Так, загулялись. Ага, небось, снова свою шарманку завел. Догадывалась. По возможности ходили вместе. Но бывали и счастливые моменты, когда только я и она. Я старался, чтобы этих счастливых мгновений было больше. Ведь для того, чтобы информация вошла, нужна регулярность. Поэтому, как только жена в ванную, я к дочурке. А та меня ждет, чтобы услышать что-нить про падение метеорита в Челябинске. Только к зубному, я ей про наводнение в Северной Корее. Она так любила подробности, когда подмечаешь все детали. Что кричали корейцы, когда тонут. Спасите. И глаза становятся шире.

И мне это помогало. Ведь никто из преподавателей в институте не слушает. Студенты тоже дали понять, что их мало интересует мои истории о.... Да и в деканате намекнули, чтобы я побеспокоился о своем положении. Зачем им этот негатив? Но ведь только благодаря отрицательным сторонам жизни мы сможем научиться положительным. И пока они молоды, им нужно это объяснить. Кто? Вы что ли объясните? Ничего у меня дочка, она меня слушает. И вот она начинает говорить...

Да, потом выросла. Быстро. И все мое стало ненужным. Пап, ты чего ду... , я тебя не понимаю, это не смешно. Конечно, не смешно. Я тебя не прошу смеяться, потому что тут надо бояться, у-у. Не приняла, потянулась за мамкой. Конечно, у той лучше. Сказки про Салтана, погремушки, классика на каждом углу, разговоры без паразитов (слов). Никаких катастроф и даже легких напоминай, что такое может быть. Соседка померла –

она уехала, собачка окоченевшая уже лежит – спит, стоит сгоревший магазин – так надо. Пудра. Одна пудра.

Я хотел вырастить дочь. Хотел сделать ее своей единомышленницей. Мечтал о том, что мы вместе перевернем мир. Зря я верил, что дочки липнут к отцам, она липла к маме. Хотя и от нее тоже вскоре отлипла. И тогда я хотел, чтобы она моим примером... Но она не хотела. Смеялась. Моя регулярность ни к чему не привела. Куда делась та информация. Наверное, потому она не вошла, потому что все было сделано под страхом быть рассекреченным. Вот если бы была нормальная атмосфера. Вот если бы дочурка увидела, что я был прав. Тогда я стал...

Все прошло. Дом восстановили. Поэтому беспокоиться не о чем. Мало ли что там было раньше. Все соседи в порядке. Даже скорая никому не понадобилась. И со мной тоже. Жду, когда придет дочка. Я же у нее в комнате. Думаю, чтобы она точно меня нашла. Хочу, чтобы она приняла меня. Сейчас, когда это уже произошло, должна произойти перемена. Ведь, если бы не мое рвение, то ничего бы... Я же вижу. Если бы электрик был совсем неэлектрик, а тут он ничего, что-то делает. Ебется с этим щитком, но как-то ему удается вдохнуть в него жизнь. Искрит, кричит, но чтобы ого-го – этого не дождешься. Пришлось сунуть пластик. По образцам сделал. Подвел, на раз-два. Главное сработал.

Как по-другому повлиять? Сейчас такое поколение, им простыми буквочками не объяснишь. Им подавай... они же должны видеть. Через щиток, гнутую трубу. Через что-то. А так получается, если никто ничего не делает, революции не происходит, все деградирует. Спрашиваю свою дочь помнит ли она Гагарина. Она, да на Гагаринском рынке мне нравится. А когда прошу ее распечатать мне письмо, то она «Я не нанималась секретарем». Она не хочет меня слышать. Ну и что, я тоже умею говорить. Понимаете. Мало того, что я говорю, я должен что-то делать. Но что я буду делать? Не скворечник строить, не показывать, что в «Диких птицах» я первый, молодые ведь они всегда впереди в технологиях. На машине гоняешь – как лох, квартира с дебильной сантехникой, а айфон у меня только «четверка», когда у большинства «шесть плюс». Есть тут один способ, есть только один способ влиять. Страх. Человек всегда будет бояться того, что неизвестно – что несет опасность и разрушения. И пусть я не могу повлиять на нее словом, орудие страха всегда при мне. Пока она с нами.

Резко открывается дверь, входит ДОЧЬ с ПАРНЕМ.

ДОЧЬ. Входи, только тихо. По ходу никого нет дома. Самое лучшее время.

За столом с кофе.

ПИСАКА. По-моему ничего получилось. Главное, каналы уцепились. Я перед этим конечно, в твиттер слил, и пошло. Они тут же съемочную команду, через минуту камеры как пушки на нас. Вопросы «Кто, что, это конец?» Интрига в молчании и определение позиций, как на войне. Я Наполеон, ты солдат, чтобы никаких «у нас техника, мы сделаем все сами». У меня инфа, а она не мешок пряников стоит. Поняла, телеармия?

Если с технической службой без копы не начнешь, то с этими одно удовольствие работать. Сговорчивые, без сушек с чаем. Добряков таких только в старых домах и найдешь. В новых и щитки не искрят и люд тоже движения лишнего без платы не сделает. Снова мой язык. Знаете, говорю, кто это был. Вам просто повезло. Наивность не приобретается, она в нас тоже заложена. Как сухое молоко из бутылки. Меня мама почти сразу на него подсадила. Тоже блин испугалась, когда зубы полезли. Вот бы репорт снять об этом. А что... Что становится с детьми, которых оторвали от груди? Они все стали строчить романы, пьесы, письма с подписью «недовольный ребенок». У них есть, что сказать с помощью репортажа про террориста, который хотел сравнять дом с землей только потому, что у его мамы были недостаточно развиты молочные железы и отрицательная энергия, что должна была уходить на кусание, сохранилась и переродилась. Ведь усилие, что ребенок затрачивает равносильно нашему разрыву сердца. Ведь почему для них во всем должна быть сила – им кажется, что всего этого можно лишиться. До тех пор, пока сам не сможешь добывать, будь то молоко или прикасаться к груди по другой причине. Сила. А у нас разрыв. Красиво.

Из этого парня может получиться еще один материал. Герой, Бодров-третий, что надеется стереть с лица земли шваль с востока, попадает в полицию. Не то. Тогда... в дурку. Сбегает, и становится таким Робин Гудом, оставляющим после себя оторванный палец. Что ценно оторванный. Нет, тут должна быть скрытая форма. Чтобы он был героем, или анти, что даже лучше, но чтобы он вроде бы наш сосед, а мы о нем не знали. И чтобы без криминала. Что сложнее всего. В нашем случае, говорят, легче найти новый образец. .

Из старичка ничего – дохлый номер. Из девчонки может быть история про взрыв школы, но с женщинами связываться. Если только в общей массе. С папой. Который на нее покушался. Гипнотизировал. Нет, из этого точно может что-то получиться. Внучал ей какую-нить ересь. Про конец света. И девочка ищет его. И находит в канализации своего

дома. Черт... А мама тоже искала и нашла его, но с другой стороны. А-а (*Бряк по столу – чашка с блюдцем подпрыгивают*)...И это только начало. Если этот дом ранее держался на памятных досках, то сейчас он станет культурным памятником музейного формата, в него начнут ходить туристы, собираться каждый год фаны, чтобы жечь костры во дворе, выгоняя злых духов и рисовать на стенах картины своего спасения. О нем будут говорить – в газете, в поисковике конечно первая строчка, появится чертовски много форумов, среди новостей появится этот дом и мое скромное имя. Обо мне будут говорить!

(Обязательная пауза).

Чем больше снимаешь, тем уверенность, что тебя не забудут. А то жил когда-то человек. Писал, писал, строчил, дрович, умер. И его никто не помнит. И те, кто его помнил, тоже копыта отбросили. И что тогда? Для любого творца этот вопрос самый важный. Так извернуться, так изгальиться, чтобы твое место в этом мире было ярче других. Такое найти слово, такого оратора, чтобы его произнес, такое место на трибуне, чтобы оно зазвучало.

Есть страх. Что у меня ничего не выйдет. Что я не буду никем. Что уйду в пустоту, и на моем месте тоже пустота. Но пока горит свеча, пока поет внутри странная певичка... «Брависсимо!», я постараюсь сделать все, чтобы вы меня запомнили.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Всего один человек

АГЕНТ. Пачиму я не люблю...это мне трудно говорить, но теперь я не люблю входить в такие дома. Войти в дом – это что? Вошел и все. Пустой, как говорят, звук. Для меня это громкий, заметный звук. Я вошел и это значит, что мне рады, меня приняли – я тут как дома. Могу сказать что хочу, сделать, ну в рамках допустимого, конечно, но вокруг как будто висят таблички: «Бери, ешь сколько хочешь, говори, пой, кури, не надо выходить, расслабься». А тут получается, что вошел, как будто ворвался, за тобой сразу злой, именно злой пес, что при неосторожном движении хочет вцепиться тебе в руку. Они все готовы вцепиться. И никаких табличек.

В первую ночь при пересечении границы мне приснился сон. Я сижу в кресле, у себя дома, этот дом точно здесь, в окне, потому что явно видится сталинская высотка, да и

мебель и никаких фотографий на стенах, ничего, что обязательно должно было быть в доме моих родителей. Около меня белый как холодильник медведь, лежит, посапывает и позволяет положить ноги себе на голову, входит рыжий кот, почему-то со сломанным хвостом. Кот толстый, он лениво передвигается, в глазах сквозит недовольство, подходит к моим ногам и ложится рядом. Медведь не шевельнувшись ни на один волос, открывает один глаз, потом другой, недовольно смотрит на рыжего гостя, но я пытаюсь их успокоить – у меня же две ноги. Одна может быть на медведе, другая, только чтобы не задавить на коте. Все, проблем нет. Но кот думает иначе – не смотря на свои размеры, он задирает медведя. Тот лежит, что ему эта дробина и не двигается, разве что ус дергается. Но что там ус, кот – прежде всего домашнее животное, а медведь, он же где-то на полюсе. И этот конфликт продолжается – кот толкает, даже царапает, но чтобы как-то среагировать это нет. И кот смотрит на меня: «Вот я какой важный, если хочу то и медведя вышвырну». И тут совсем неожиданно медведь поднимается, устал от этого массирования, медленно повернулся, одной лапой прижал хвост, а другой как шлепнет кота. Один крик. Проснулся. Я думал, самолет упал.

Что тут получается? Не могут жить вместе. Медведь и кот, рыбка и лягушка, попугай и тарантул. Должна быть хоть какая-то совместимость. У нас своя музыка, традиции, блюда, но в том, что у нас внутри мы схожи. Никто не исключает плов или шаурму, покупают же. Устраивают концерты, праздники, мечеть строят. Зачем-то все это есть. Но даже если бы этого ничего не было, и мы все были бы похожи на людей со свастикой, у всех есть сердце, ритм которого не превышает нормы, те же кости, в которых в той же последовательности легли органы и даже в груди помимо составных частей есть то эфирное, такое невидимое, что нужно всем, когда нам уже ничего не помогает.

Мне хочется чаще говорить про любовь. Смеетесь? Вот так и дед мой говорил, что я слишком мягкий. Из тебя плетку не сделаешь. Ну и что. Я прилетел сюда с огромной корзиной персиков, раздавая их прямо в аэропорту. Берите. Даром. Свежие. Уже тогда, в самолете, я видел, что берут только те, кто свой, земляк, а те, кто гостями или транзитом были у нас, не брали и детей тоже отводили, с таких ужасом в глазах. Им-то не важно, кто я, они еще не испорчены этим. Но их уже сажали на место, шепча что-то, о чем конечно можно догадаться. Только тогда я не хотел об этом думать. Я вез с собой любовь, не зная, что она сможет превратиться в нечто другое. Да, в персиках есть неприятная косточка, в которой синильная кислота, которая может вызвать рак. Но я же не для этого...

Провели один эксперимент с нашим человеком, то есть не с нашим, а с русским просто. Как будут реагировать на упавшего, схватившегося за живот, сердце, ногу человека здесь в столице, и там в жарком Майами. У нас, в России, человек более часа лежал, прежде чем к нему подошел первый, спросил «Ты чего лежать здесь вздумал, здесь же люди ходят» Ты им мешаешь, понимаешь. В Америке каждый первый интересовался, что да как, спросил, где живет, не нуждается ли в помощи. У нас уже умер, а там помогли жить дальше. А если бы лежал я, тогда бы что? Помогли бы с точностью наоборот. Все конец. Нет меня. Это что получается. Свою слабость нельзя выпускать. Ты не имеешь право умирать. Стало плохо, если хочешь, дойди до ближайшей скамейки, позвони, обязательно дождись и не дай бог у тебя не окажется полиса или регистрации, ведь никто не станет торопиться, чтобы спасти человека оттуда, про которых мы знаем много нехорошего. Как вы думаете, сколько человек не уважает немцев. Да больше 78 процентов. Конечно, они же звери. Но ведь они не виноваты.

Что мне делать? Я же тоже не виноват. Что наши предки когда-то не смогли договориться, что не походи, что темнее от солнца и от больной печени. Я и не дрался никогда. Честное слово. Ни разу. Мне казалось, что все можно решить через шутку. Хотя мой дед со мной не был согласен. Он так и говорил, чтобы решить проблему недостаточно слов, нужно еще одна важная штука, сила – пугаешь человека, с которым у тебя сложно, он пугается, немеет, страх сковывает его члены и тогда ты легко сможешь решить, не дав ему возможности не то что вставить слово, ничего не дав. Но я считал, что пусть трудно, но только уважая другого, можно уважать себя. С ружьем придешь, от ружья и погибнешь. Какой-то наш человек пришел, напугал русских, бумеранг полетел в нас – теперь боимся мы.

Возвращайся. Здесь у тебя дом, может быть семья. С этим здесь легче. Старая песня. Нет? Уезжай в другую страну. Куда? Мне нравится быть здесь. Я полюбил этот город за его переулки, памятники, за все то, за что можно любить город. Здесь приятно смотреть на людей, пока они не начинают смотреть на меня. Однажды я представил, что живу в этом городе один. Что никогда нет. Да, есть роботы автоматы, что готовят булочки с корицей и кофейный автомат. Я бы сам их заправлял. Мне не сложно. Но так не бывает, как ни проси у всевышнего... Вот еще одно... мне ближе ваш бог, мне не хочется сидеть на ковре и шептать в тишине. Как важно, что есть музыка – та тропинка, по которой проще дойти до него. Я вижу бога, еще не войдя туда, я начинаю христосоваться. Даже там на меня смотрят подозрительно. «Иди в мечеть, для таких мечети есть», – говорят они.

Наверное, есть, но почему я не могу ходить в церковь, быть как все. Покупать вино «Арбатское», потому что мне оно нравится, а не «Киндзмараули». Мне не хочется есть плов и жить в гостиницах по шестнадцать человек в комнате. Я хочу ходить в театр. Не сидеть в стороне, а поднимая руку, восклицать «А, какие люди. Сколько весен, сколько осень». Обсуждать те проблемы, которые волнуют вас, и изредка говоря на своем, не бояться, что тебе подпоют в издевке.

Тогда не ной... тогда почему ты плачешь. Пишет дядя. Выбрал себе петлю, виси, пока шея не затечет.

И если бы не произошло то что произошло, меня все равно не оставили бы в покое. Я не знаю, что я должен сделать. У меня может быть три квартиры, я могу ездить на «Мазератти», у меня может быть узнаваемое лицо, все равно. Мне бы говорили, слушали, выполняли и даже рисовали на лице улыбки, если бы от этого зависело их положение, но внутри все равно грело то, что наступит праздник и в выходной они сядут в компании славян и выскажутся. «Этот чу... такой...». Пришел совершенно чужой мне человек, снял про меня что-то обидное, облил грязью меня, нацию, заставив верить всех в этом доме, что я дерьмо.

Мне страшно, что все это неуправляемо. Давно вышло из-под контроля. Я хочу повлиять, я иду, но где вероятность, что в меня не попадет, случайно, конечно, пуля, а стрелявшего, конечно, не найдут или дадут медаль, потому что я оказывается тот, от которого всем только плохо и его лучше убрать, чем оставить.

Чтобы понять каким образом произошло это превращение, нужно стать одним из нас. Когда одна нация боится другую это страшно. Не смотря на то, что мы пытаемся сопротивляться – именно это говорит о том, что нам страшно.

Люди живут в домах, боятся мелочей, вроде того, что кто-то может войти. Но для этого есть бронированные двери. Если боишься человека, вызываешь опергруппу. Она знает, что с ним делать. У них есть все для того, чтобы избежать страх. У нас нет. Мы рождены, чтобы бояться.

Пусть я приехал в надежде, но тут она умерла. Я несу на руках то, что уже не дышит и не нуждается в понимании.

Завтра я стану агентом, продавцом, кем-то, все равно... Я привыкну жить так. Но и вам придется привыкнуть к тому, что именно вы производите его. Что он у вас подмышками, он у вас в паху, он там, где болит, зудит.

Мы вместе будем бояться.

Конец